

— Вернувшись, ты больше никуда не выходил, целыми днями сидишь дома. Не скучно? На этой неделе работы немного, поедem за город на несколько дней?

Чжоу Цзыцянь признавал, что был эгоистом, но по отношению к Е Тао он не хотел лишь брать. Он надеялся, что это ограниченное время, проведенное вместе, принесет Е Тао что-то хорошее. Однако то, что он мог предложить, Е Тао не жаждал. Более того, Е Тао не требовал от него никаких особых усилий, лишь желая, чтобы жизнь была спокойной, без лишних проблем. И все же, люди — странные существа, или, можно сказать, даже подлые. Чем меньше они требуют, тем больше хочется дать. Если бы он был ненасытным, ты бы, напротив, пожалел даже мягкого взгляда.

— Если ты не занят, тогда поедem.

Е Тао был безразличен к тому, выходить ли из дома. Такую скучную жизнь он вел уже два года и давно привык. Однако, раз уж они стали спутниками, не было смысла во всем ему отказывать. В конце концов, это было его собственное решение, и нельзя сказать, кто кому был должен. Если можно жить в гармонии, зачем искать неприятности?

В тот вечер Чжоу Цзыцянь снова остался в комнате Е Тао на ночь, но ничего не делал, лишь обнимал его и разговаривал. Физическое состояние Е Тао было слабым, он не выдерживал слишком частых интимных отношений, и Чжоу Цзыцянь в этом отношении был очень внимателен, независимо от того, занимались ли они любовью или нет, он всегда учитывал его чувства. Да и просто обнимать его и болтать о пустяках было приятно.

Пока они обсуждали, куда поехать за город, Баобао, хромая, вернулся домой. Он весь день прятался от своего кошачьего брата, думая, что с наступлением темноты опасность миновала, но был пойман Бай Вэем, который караулил его весь день.

— Мяу-мяу! — Баобао, войдя в дом, замаяукал, и в его голосе слышались настоящие рыдания. — Дядя Е, я не смог ни сразиться, ни убежать.

Баобао получил хорошую взбучку от Бай Вэя: ухо было поранено, на хвосте не хватало пучка шерсти, весь он был грязный, а золотой бубенчик на шее потерялся.

Увидев жалкий вид Баобао, Е Тао тут же оставил Чжоу Цзыцяня, с которым только что разговаривал, и, не надевая обуви, спустился с кровати, чтобы поднять хромающего и грязного черного котенка.

Баобао, словно маленький ребенок, увидевший маму, тут же сделал свои раны в десять раз серьезнее, маяукая и жалуюсь Е Тао.

— Бай Вэй слишком жестокий, он совершенно не считает братские чувства, я больше никогда не буду с ним играть!

Чжоу Цзыцянь вздохнул, встал с кровати, подал Е Тао обувь и, пока тот наклонялся, чтобы надеть ее, взял Баобао в руки и с отвращением направился в ванную.

Е Тао поспешил за ним.

— Поосторожнее, он ранен.

Чжоу Цзыцянь бросил жалкого Баобао в душевую кабинку, открыл воду и начал поливать его. Изящный пол мгновенно покрылся грязной водой с маслянистыми разводами, и Чжоу

Цзыцянь, еще больше раздраженный, отступил за пределы кабинки, хмуро глядя на грязного котенка.

— Ты что, в помойку упал? Чего ты мечешься? Ты же воды не боишься.

Баобао, уворачиваясь от потока воды, кричал.

— Я тебя боюсь, вот чего! Я действительно тебя боюсь, старик! Дядя Е, останови его! Он поливает меня холодной водой!

Накануне поездки произошла небольшая неприятность. Причиной стало приглашение Ло Дуна к себе домой. Ло Дун в последнее время был занят, лишь в начале месяца заглянул в дом Чжоу, чтобы навестить Е Тао, да и то проездом, не задержавшись и не успев даже присесть, как его вызвали по телефону. Вскоре после этого Ло Дун уехал в командировку на запад Сычуани и вернулся в Пекин лишь несколько дней назад. Ло Дун подумал, что давно не видел своих крестников, и решил воспользоваться свободным временем, чтобы пригласить их к себе домой.

Ло Дун пригласил только Е Тао, отказавшись принимать лишних людей. Чжоу Цзыцянь, в целом, пошел навстречу, отвез Е Тао к Ло Дуну и отправился в офис, не желая создавать напряженность. Однако эта встреча не обошлась без ссоры, которая вспыхнула сразу после обеда.

Ло Дун выпроводил девочку и Баобао на второй этаж, и как только дети зашли в комнату, он взорвался, глядя на Е Тао.

— Ты что, связался с Чжоу вторым?

Е Тао не знал, как он это обнаружил, но раз уж он заметил, то попытки отговориться парой слов были бы бесполезны. Е Тао просто признался, сказав, что они лишь временные спутники, без каких-либо других связей, и попросил друга не волноваться за него.

Е Тао говорил правду, но не всю. Если бы Ло Дун узнал, как Чжоу Цзыцянь настойчиво его преследовал и какие у него были намерения, они бы точно подрались.

Даже с учетом того, что Е Тао кое-что утаил, Ло Дун все равно позеленел от злости, тыча пальцем в Е Тао.

— Не морочь мне голову! Ты разве не знаешь, что за тип этот Чжоу второй? Связываться с ним? Ты бы еще с тигром связался! Ты не боишься, что он тебя сожрет?

Е Тао знал, что его отношения с Чжоу Цзыцянем, возможно, можно было скрыть от других, но от Ло Дуна это не удастся, и раскрытие было лишь вопросом времени. Реакция Ло Дуна сейчас была похожа на ту, что была, когда он и Ли Минцзюэ только начали встречаться. Тогда Ло Дун тоже был в ярости, ругался с ним, чтобы он не связывался с Ли Минцзюэ, говоря, что тот явно не годится для серьезных отношений. Из-за того, что Ли Минцзюэ был представлен ему двоюродным братом Ло Дуна, тот даже был недоволен Цинь Чжихэном. Цинь Чжихэн в шутку говорил, что, возможно, Ло Дун в него влюблен, и, поскольку он сам рано или поздно женится, не хочет разрушать их многолетнюю дружбу из-за своих чувств, поэтому и не признается, а также поэтому так критически относится ко всем, с кем он встречается. Конечно, это была шутка, они с Ло Дуном были просто хорошими друзьями, но из-за того, что были очень близки, воспринимали дела друг друга как свои собственные.

Этот день, словно вернувший их в прошлое, был непростым для Е Тао и Ло Дуна. Е Тао всегда

думал больше, чем говорил, и вся его лень проявлялась в его словах, но сейчас он не мог молчать. Ло Дун был красноречив, но когда дело доходило до Е Тао, это не помогало. Он не хотел ворчать, как старая нянька, но вынужден был и уговаривать, и ругаться. В конце концов, Е Тао устал, Ло Дун тоже устал, и они замолчали, отдыхая и бросая друг на друга взгляды, словно ножами. Глаза Ло Дуна были ножами, а Е Тао — куском сырого мяса.

Е Тао встал, налил два стакана воды и, протягивая один Ло Дуну, чуть не получил пинок. Вид Е Тао, который, несмотря на все уговоры и ругань, оставался непоколебимым, выводил Ло Дуна из себя. Ло Дун уже занес ногу, но, увидев его хрупкое тело, опустил ее и, нахмурившись, буркнул.

— Отвали! Если еще раз подойдешь, я тебя прикончу!

Е Тао рассмеялся.

— Я просто нашел себе спутника, а ты ведешь себя, будто я твою семью перебил.

— Врешь! Я тебя знаю как облупленного! Если бы он тебе был безразличен, ты бы с ним в постель не полез! Ни за что не поверю!

Ло Дун с грохотом поставил стакан на стол с такой силой, что чуть не разбил его.

— Если тебе действительно нужен спутник, я тебе найду, я готов даже сводником для тебя стать! Кого хочешь, я тебе найду, только не его! Запомни хорошенько, только не его, Чжоу второго!

Ло Дун всегда презирал Чжоу Цзыцяня. Когда они были незнакомы, он считал его лицемером, а когда познакомился, даже лицемером его нельзя было назвать. В глазах Ло Дуна Чжоу Цзыцянь был волком в овечьей шкуре, хитрым и жестоким, в его голове только интриги и подлость. Даже если ты отдашь ему кусок своей плоти, он не будет благодарен, а за спиной еще назовет тебя идиотом. Как можно связываться с таким типом, разве это не самоубийство?

Е Тао, держа стакан воды, молчал некоторое время, а затем сказал.

— Я живу в доме Чжоу уже больше двух лет, я знаю, какая у них семья и какой путь ему предстоит. Дунцзы, не волнуйся, я не научусь курить, если не смогу себе этого позволить, а если научусь, то смогу бросить.

Ло Дун вздрогнул, глядя на друга, который уже не был прежним, и вдруг почувствовал, будто время остановилось.

<http://bllate.org/book/17687/1650273>